

ДРЕВНЕРУССКИЙ ТЕКСТ В «КНИГЕ ПРО БОЙЦА» А. ТВАРДОВСКОГО

© 2025

Д.Б. Терешкина

Терешкина Дарья Борисовна, SPIN-code: 8928-3482, ORCID: 0000-0002-2079-1116, доктор филологических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ (Новгородский филиал) (Великий Новгород, ул. Германа, 31, Россия), terdb@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 12.11.2024

Статья принята к публикации: 27.02.2025

В статье рассматриваются традиции древнерусской книжности в «Книге про бойца» Александра Твардовского. При кажущейся отдалённости поэтической эпопеи о Великой Отечественной войне от русской средневековой литературы книжные традиции древнерусской словесности заданы поэме еще при её создании: книге, по признанию Твардовского, народ придавал более высокий, нежели устному слову, статус. Вобравшая стихию русской народной речи, «Книга про бойца» гармонично соединила вековые традиции христианской книжности в её ведущих жанрах: летописи, воинской повести, красноречия, жития, бытовой и беллетристической повести, синодика. Темы испытаний военного времени, народного страдания, лишений, раздумий о судьбах родины и месте человека в истории реализованы в характерной для древнерусской книжности поэтике бытия, в котором человек являет своё величие как подобие Бога. Мотивы самопожертвования, любви, милосердия, прощения, смирения, преодоления уныния и самой смерти призваны утвердить главную идею поэмы: смерть преодолевается жизнью, даже если смерть неизбежна. Агиографические топосы аскезы и безбрачия главного героя, его любви ко всему живому, сострадания, подвига во имя ближнего и своего народа, деятельного участия во всём, что его окружает, смиренного принятия горя и радости, мудрости в осознании происходящего, благоговения перед жизненно важными вещами и вечными истинами, не подвергающимися сомнениям, активного противостояния смерти в поединке с нею, веры в торжество правды – всё это делает Василия Тёркина не просто положительным, но и своего рода идеализированным героем, вобравшим в себя лучшие черты русского народа, прославляющего своих подвижников и творящего им вечную память.

Ключевые слова: «Василий Тёркин», «Книга про бойца», древнерусская книжность, летопись, воинская повесть, житие, синодик.

Фольклорные основы и поэтика самой известной книги А. Твардовского давно и хорошо изучены [Безносков 2013; Бессонова 2006; Злобина 2017; Камалова 2009; Курбанова 2018; Матяш 2015; Сухих 2004]. Автор поэмы сам относил своего героя к «полуфольклорной современной стихии», написав об этом в своей статье о том, как создавалась книга [Твардовский 1976, с. 278]. О литературных традициях, нашедших отражение в одном из наиболее известных произведений времен Великой Отечественной войны, написано меньше. О традициях древнерусской литературы в «Книге про бойца», пожалуй, ещё не говорилось более или менее отчетливо. Тем не менее, как нам кажется, традиции эти очевидны, хотя были и не так осознаваемы ни советским читателем военного и послевоенного времени, ни, вероятно, самим автором.

А. Твардовский назвал поэму о Василии Тёркине «Книгой про бойца» [Гришунин 1976 а; Гришунин 1976 b; Новикова 2017; Плимак 2008]. И аргументировал свое решение: «...это нечто я обозначил "Книгой про бойца"». Имело значение в этом выборе то особое, знакомое мне с детских лет звучание слова "книга" в устах простого народа, которое как бы предполагает существование книги в единственном экземпляре. <...> Слово "книга" в этом народном смысле звучит по-особому значительно, как предмет серьёзный, достоверный, безусловный» [Твардовский 1976, с. 261]. «Книга про бойца», таким образом, в отличие от «песни», «сказа» или любого иного фольклорного жанра, придавала «Василию Тёркину» онтологический статус, ибо сохраняется на века только то, что «написано пером». Одно это обстоятельство позволяет нам вписывать поэму в традицию русской книжной словесности, начиная с её средневековых истоков.

Имея в виду заданную автором книжную традицию поэмы, мы можем с полным основанием говорить о литературных истоках «Книги про бойца». Традиции древнерусской литературы в «Василии Тёркине» могут быть обнаружены в отсылках к нескольким её жанрам.

Первый из них – летопись. По масштабу отраженных исторических событий, а также по принципу непрерывно ведущейся фиксации происходящего, значимого для всего народа (особенно имея в виду уникальную историю создания поэмы, писавшейся и печатавшейся по

главам в течение 1942 – 1945 гг.), книга «Василий Тёркин», несомненно, стала настоящей летописью Великой Отечественной войны. «Я еще раз пренебрег литературной условностью, в данном случае условностью завершенности "сюжета", и жанр моей работы определился для меня как некая летопись не летопись, хроника не хроника, а именно "книга", живая, подвижная, свободная по форме книга, неотрывная от реального дела защиты народом Родины, от его подвига на войне» [Твардовский 1976, с. 265]. В этом смысле поэма полностью соответствовала жанровому своеобразием древнерусской литературы, в которой жанры разделялись по своему предназначению [Лихачев 1979]. Функциональный характер литературных жанров средневековой письменности, отчасти вторящий специфике фольклорных текстов, сопровождающих определенные действия, во многом объясняет волевое решение автора завершить книгу про бойца вместе с окончанием войны. Книга, подобно обрядовой поэзии или богослужению, творилась, пока шло действие.

Начинается «Книга про бойца» словом от автора. Наиболее явными здесь видятся традиции древнерусского жанра красноречия. Само по себе вступление, подобно первой части произведений ораторского жанра, начинается с темы, не связанной с главным предметом речи. Говорится сначала о воде («простой, природной»), затем о пище («простой, здоровой»), далее – о «шутке самой немудрой» и, наконец, о главном герое – Василии Тёркине.

Предваряющий повествование голос автора сразу вводит читателя в круг «своих» людей: акт коммуникации автора с героем становится полилогом, в который включён каждый читатель, «собеседник» и автора, и главного героя поэмы. Обращение «ты», согласно жанровому канону слова «От автора» в начале произведения, предполагает адресацию именно читателю, словно включённому в беседу, где, среди прочих адресатов обращения, находится и Василий Тёркин. При этом читатель как будто становится соавтором поэта и таким же его другом, как и его герой: «Подружились мы с тобой», – обращается автор к Тёркину; «Книгу с середины и начнём» – слова, обращённые к читателю (прежде всего – фронтовому товарищу), призыв к совместному с ним рассказу о Тёркине как герое войны. Твардовский писал о своей книге: «Каково бы ни было её собственно литературное

значение, для меня она была истинным счастьем. Она мне дала ощущение законности места художника в великой борьбе народа, ощущение очевидной полезности моего труда, чувство полной свободы обращения со стихом и словом в естественно сложившейся непринуждённой форме изложения. "Тёркин" был для меня во взаимоотношениях писателя со своим читателем моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю» [Твардовский 1976, с. 266].

Несомненны в поэме традиции воинской повести. Прежде всего, в отношении темы (события военных лет, сражений, осады и обороны городов, атак врага и их отражения русскими воинами, страшные потери и великая скорбь). Однако более ярким сходством с древнерусской воинской повестью, имевшей «мозаичную» композицию, в которой каждое событие военного времени изображалось отдельной картиной происходящего, стало в поэме построение её из отдельных глав-сюжетов с самостоятельными названиями, составивших в результате широкое полотно о Великой Отечественной войне и человеке на ней. «И первое, что я принял за принцип композиции и стиля, — это стремление к известной законченности каждой отдельной части, главы, а внутри главы — каждого периода, и даже строфы» [Твардовский 1976, с. 260]. В условиях жесточайших сражений Великой Отечественной войны подобное решение оказалось сопряженным со скорбной целью: «Я должен был иметь в виду читателя, который хотя бы и незнаком был с предыдущими главами, нашёл бы в данной, напечатанной сегодня в газете главе нечто целое, округленное. Кроме того, этот читатель мог и не дожидаться моей следующей главы: он был там, где и герой, — на войне» [Твардовский 1976, с. 260].

Очевидными в «Книге про бойца» являются также черты жанра беллетристической и бытовой повести XVII века, со «сниженным», обычным героем, пришедшим на смену образам князей, святых, митрополитов и других, как бы «возвышавшихся» над читателем. Однако все известные нам русские повести XVII века изображают, как правило, не просто «обычного» героя, но того, кто «хуже» читателя, одержим каким-то пороком или совершает неблагоприятные поступки по наущению дьявола. «Книга про бойца», несмотря на принадлежность, условно говоря, к «демократической» литературе, всё же да-

лека от нравоучительной по своей семантике бытовой повести позднего русского Средневековья. И герой здесь иной: он не «выше» и не «ниже» читателя и не «вровень» с ним; он и есть читатель, собирательный образ каждого причастного к делу, совершаемому героем. «Читатель-фронтовик, которого я за время нашего очного и заочного, через страницы печати, общения привык считать как бы своим соавтором – по степени его заинтересованности в моей работе, – этот читатель со своей стороны также считал "Тёркина" нашим общим делом» [Твардовский 1976, с. 266]. В этом признании раскрывается одна из главных особенностей и поэмы Твардовского, и древнерусской литературы – соборность, предполагающая участие каждого причастного к тексту в создании произведения. Осознание автора как коллективного народного «я», не принадлежащего конкретному книжнику-писателю, позволило А. Твардовскому считать поэму произведением народного масштаба и прямо заявлять об этом. «"Книга про бойца" <...> – произведение не собственное моё, а коллективного авторства. Свою долю участия в нём я считаю выполненной. И это никак не ущемляет моё авторское чувство, а, наоборот, очень приятно ему: мне удалось в своё время потрудиться над выявлением образа Тёркина, который приобрел, как свидетельствуют письменные и устные отзывы читателей, довольно широкое распространение в народе» [Твардовский 1976, с. 278–279].

Эта «рассредоточенность» образа бойца, «обыкновенного парня», в лицах других таких же, как он, становится сквозным мотивом книги и одной из главных идей, которая будет реализована, кроме всего прочего, в сюжете о втором Тёркине («Еще Тёркин»), в мотивах чудесного явления Тёркина после неминуемой гибели («Переправа») и смертельного ранения («Смерть и воин»), в мотиве наследования Тёркиным гармонии погибшего бойца-гармониста, место которого занимает главный герой («не пропадать добру»). Василий Тёркин, таким образом, становится собирательным образом не только согласно прямой декларации автора и ожиданиям читателя (современника героя), но и согласно главной идее книги: человек в его величии – это всегда народ, к которому он принадлежит. Не только потому, что один в поле не воин, но и потому, что каждый человек реализует свои

лучшие качества именно в совместной жизни со своим народом, система взглядов на мир которого совпадает с мировоззрением и системой ценностей каждого его представителя.

С жанром жития – таким, казалось бы, далеким не то что от советской действительности, но и от литературного героя Нового времени в целом, – книга про Василия Тёркина соотносится напрямую.

Поскольку книга «Василий Тёркин» повествует об одном, конкретном, человеке, агиографический жанр имплицитно присутствует в «Книге про бойца». Как и в житии, в центре повествования оказывается история подвига, причём в самом что ни на есть христианском его понимании («поступок или развёрнутое во времени действие, осознанно совершаемое во исполнение Божественной воли, связанное с преодолением значительных трудностей, самоотверженностью» [Азбука веры]). Несмотря на собирательный характер образа главного героя, он, подобно канонизированному образу святого в житии, не теряет индивидуального облика и истинно человеческих, земных черт.

В отличие от канонического жития, имеющего строгую композицию, охватывающую весь земной путь святого от рождения до представления, «Книга про бойца» – без начала и конца, «как Бог пошлет». Потому что «сроку мало» и потому что «жалко молодца». И «без особого сюжета», ибо сюжетом стала сама жизнь в тяжёлое время.

Когда говорят о традициях агиографического жанра в литературе послепетровского времени, прежде всего упоминают о житийных топосах, что совершенно справедливо. Агиографическая топика очевидна и в образе главного героя «Книги про бойца». Василий Тёркин не житийный герой. Но в том, что он положительный персонаж, нет никаких сомнений. Главное качество в нём, главная его добродетель – это способность на самопожертвование. Тёркин каждый раз жертвует собой в духе известной Евангельской истины: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15: 13); в поэме этот новозаветный девиз выражен созвучными эпохе словами:

Свет пройди, – нигде не сыщешь,
Не случилось видеть мне
Дружбы той святей и чище,
Что бывает на войне [Твардовский 1976, с. 48].

«Наш брат» – лейтмотив книги. Все люди друг другу братья. Особенно в лихую годину. «Тёркин прост, но вовсе не простоват, не беден духовно. От природы ему свойственна тончайшая душевная чуткость и деликатность – ”высшая интеллигентность сердца”, как выразился критик А.В. Македонов», – совершенно справедливо отмечает А.Л. Гришунин [Гришунин 1976а, с. 417].

Тёркин носит христианское имя. Именно к литературной традиции восходит имя «Василий» (и отчество «Иванович»); от более собственного фольклору имени «Иван» Твардовский отказывается, вписывая Тёркина именно в книжную историю русского народа (первый герой фронтовых записок А. Твардовского имел имя Иван Гвоздев [Твардовский 1976, с. 249–252]). Именования главного героя в поэме варьируются: *Василий Тёркин, Василий Иванович, Вася Тёркин, Тёркин, герой, из запаса рядовой, парень обыкновенный, парень хоть куда, не красив, не высок, не мал, боец, вояка, мой герой, молодец, парень, балагур, молодёц, брат, добрый малый, друг*. «А нет того, чего и у меня покамест нет или только в намеке, – признавался А. Твардовский, – человека в индивидуальном смысле, ”нашего парня”, – не абстрагированного (в плоскости ”эпохи”, страны и т. п.), а живого, дорогого и трудного» [Твардовский 1976, с. 246–247]. Удивительным образом, подобно герою жития, у Твардовского получился и живой человек (ибо жизнь не абстрактна, а воплощена в каждом живущем), и обобщенный образ «человека вообще», по образу и подобию Бога воплощающий божественный замысел о человеке на земле.

Василий Тёркин аскетичен. Таковы были все святые. Казалось бы, на войне иным и не мог быть был солдата. Но аскетизм этот, в отличие от житийного повествования, не прославляется, а поэтизируется. У воина одна шинель на всё про всё:

Эх, суконная, казенная,
Военная шинель, –
У костра в лесу прожженная,
Отменная шинель.
Знаменитая, пробитая
В бою огнем врага
Да своей рукой зашитая, –
Кому не дорога! [Твардовский 1976, с. 22–23]

Шинель, как ряса, нужна лишь для выживания. И для того, чтобы на ней, раненого, несли её владельца и ею же потом прикрывали его мертвое тело: «А убьют – так тело мертвое / Твое с другими в ряд / Той шинелкою потертою / Укроют – спи, солдат!» [Твардовский 1976, с. 23].

Аскетизм Тёркина проявляется в его умении жить по-человечески даже в непригодных для жизни условиях, ибо он «принимает всё, как есть». Быт для Тёркина становится частью бытия. В главе «Два солдата» Тёркин, зайдя в дом к старику и старухе, в трёх верстах от линии фронта, налаживает им часы, что стояли еще с «той войны», и словно запускает время жизни, которая продолжает свой отсчёт. Будучи встреченным как дорогой гость, голодный Тёркин принимает угощение как дар, а трапеза становится для него священнодействием, хоть и без молитвы:

Ел он много, но не жадно,
Отдавал закуске честь,
Так-то ладно, так-то складно,
Поглядишь – захочешь есть.
Всю зачистил сковородку,
Встал, как будто вдруг подрос,
И платочек к подбородку,
Ровно сложенный, поднес.
Отряхнул опрятно руки
И, как долг велит в дому,
Поклонился и старухе
И солдату самому [Твардовский 1976, с. 68–69].

Мотив молитвы, впрочем, присутствует в тексте имплицитно: в лейтмотиве прославления павших, в последних думах перед ожидаемой неминуемой гибелью. В главе «Кто стрелял?» герой, вжимаясь в землю во время сплошного обстрела, вспоминает всю свою жизнь: «Смерть есть смерть. / Ее прихода / Все мы ждем по старине <...> И друзей и близких лица, / Дом родной, сучок в стене.../ Нет, боец, ничком молиться / Не годится на войне» [Твардовский 1976, с. 92, 94]. Смерть следует встречать «лицом к лицу», раз с её приходом становится таким важным то обычное, что составляло жизнь.

Тёркин не имеет семьи. Он, словно монах (в исконном значении слова), одинок. Мотив безбрачия ради служения: «Холостому много лучше на войне» [Твардовский 1976, с. 73] даже как будто согласуется с «даром пророчества»: «Но поверь, что я нарочно / Не женился. Я, брат, знал!» [Твардовский 1976, с. 74]. Испытания такого масштаба человек в полной мере может принять только в том случае, когда сердце его не занято страданиями за близких, – и тогда «близкими» становится весь родной народ. Одинок Тёркин в самые драматичные моменты жизни. При всей направленности на других и единстве со своим народом, Тёркин, проходя через испытания, лишившись многих близких и тысяч безвестных собратьев, духовно трансформируется: «Герой погружается в себя. Он воплощает не только роевое, но и одинокое существование человека. В концовке от первоначальной беспроблемности <...> не осталось и следа. Герой пребывает в душевной смуте и духовном поиске. Сознание повзрослело» [Страшнов 2019, с. 11].

Подобно житийному святому, Василий Тёркин как будто лишен уныния, первого смертного греха. Не унывает Тёркин даже при отступлении, его обуревают только «печаль большая, / Как брели мы на восток» [Твардовский 1976, с. 18]. Своеобразная «молитва» об освобождении от греха уныния звучит у Тёркина горько-иронично: «Шли бойцы за нами следом, / Покидая пленный край / Я одну политбеседу / Повторял: / – Не унывай!» [Твардовский 1976, с. 19]. Мотив воздаяния звучит как подкрепление ближнего в беде, усугубленной невыносимым чувством вины: «Не зарвёмся, так прорвёмся, / Будем живы – не помрём. / Срок придет, назад вернемся, / Что отдали – всё вернём» [Твардовский 1976, с. 19]. Это оказалось пророчеством, предвосхищением Победы, но писалось это тогда, когда до неё было невыносимо далеко. «Верой в победу, бодростью и оптимизмом буквально светятся даже те главы, которые были созданы и напечатаны в самый разгар войны, в тягчайший 1942 и в 1943 г. Книга исполнена жизнеутверждающей силы» [Гришунин 1976а, с. 430].

Есть в Тёркине еще одна христианская добродетель – милосердие к терпящим поражение. Тёркин убивает врага, пришедшего на родную герою землю, но делает это по самой крайней необходимости и сам страдает от убийства (глава «Поединок»). Святое остаётся в

тайне: «Не затем на смерть идешь, чтобы кто-нибудь увидел» [Твардовский 1976, с. 81] – и всё же по-человечески хотел бы герой, чтобы увидела его подвиг вся «страна-держава», ибо, по народной поговорке, на миру и смерть красна.

Агиографическая топика подкрепляется вполне сопоставимыми с житийными развернутыми сюжетами и мотивами.

Глава «Переправа» повествует о драматичном эпизоде форсирования очередной реки, обстреливаемой со всех сторон неприятелем. Переправа наших бойцов сорвалась; взрывы топят людей в ноябрьской ледяной воде. Но для рассказывающего об этом очередном эпизоде войны это не просто человеческие потери – это эпичная картина сражения жизни со смертью, в которой выражено сострадание к каждой человеческой душе, расстающейся с жизнью: «И увиделось впервые, / Не забудется оно: / Люди тёплые, живые / Шли на дно, на дно, на дно...» [Твардовский 1976, с. 29]. Эта глава становится повествованием о чудесном спасении Тёркина. Переправившись на другой берег с первым взводом и оставшись в живых, Тёркин возвращается к своим, переплывая реку вплавь, раздевшись догола, чтобы не потонуть в ледяной воде. Сначала дозорные с нашей стороны не верят своим глазам, видя приближающуюся точку на реке. Но Тёркин благополучно добирается до берега, вылезает из воды, «голый, гладкий, как из бани» [Твардовский 1976, с. 33]. И просит поддержать первый взвод огнем, а себе – стопку водки. «Дали стопку – начал жить» [Твардовский 1976, с. 33]. Пройдя нечеловеческие испытания, думает о товарищах. И сам, по Евангельскому слову, «был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк. 15:32).

В «Книге про бойца» происходит, в духе христианского учения, декларативное неразделение живых и мёртвых: «От Ивана до Фомы / Мёртвые ль, живые, / Все мы вместе – это мы, / Тот народ, Россия» [Твардовский 1976, с. 36], с той только разницей, что мёртвые, не дожившие до Победы, лишь спят, а потом будут ликовать вместе с народом: «И в одной бессмертной книге будут все навек равны» [Твардовский 1976, с. 127]. «Бессмертной книгой» автор называет память. В древнерусской литературе и в Священном Предании русской церкви (до сих пор) эта память выражалась в одном письменном памятнике – помяннике, где живые и мёртвые записаны рядом, ибо

«жизнь одна и смерть одна» [Твардовский 1976, с. 127]. Будучи отмечённой советской властью, «книга живых», как назывался в Древней Руси синодик (поминальная книга), никогда не исчезала в народном сознании и писалась непрерывно – на уровне общей благодарной памяти умершим.

Описывающая годы человеческих страданий, «Книга про бойца», вопреки советской идеологии, наполнена христианской лексикой: «о любви», «святой и скромной», «иное слово... найдёт тебя на войне живого», «у войны короткий путь, у любви – далёкий», «рай по правде», «расстаётся с телом дух» (в главе «Тёркин ранен»).

И уж совсем «не советской» оказывается глава 21 книги – «Смерть и воин». Описывающая очередное умирание героя от тяжелого ранения, после которого он «воскрес», глава изображает встречу героя лицом к лицу со Смертью, персонифицированной в привычном русскому человеку фольклорном образе старухи. Есть в этом образе и аллюзия на знаменитый синодичный сюжет «о прении живота со смертью». Между умирающим Тёркиным и Смертью происходит настоящий торг, в котором Смерть последовательно и аргументированно предлагает Тёркину отказаться от жизни, которая стала олицетворением абсолютного страдания. Мучением могла стать жизнь и после окончания войны, когда герою, останься он инвалидом, Смерть прочила стыд, вину, изживенчество, участь человека, ставшего обузой для близких. От Тёркина Смерти нужно было только одно – согласие уйти с нею. Умирающий Тёркин сокрушается и даже как будто готов умереть. Лишь одно условие он ставит Смерти: он хочет посмотреть на торжество Победы своего народа, когда таковая (а Тёркин не сомневается в этом) случится. Смерть знает, что *оттуда* никто не возвращается, и отказывает Тёркину в этой возможности. Только в этот момент Василий Тёркин, обозлясь на соблазняющую его «покоем» Смерть, находит в себе силы преодолеть слабость и возвращает желание жить. Его спасают бойцы похоронной бригады, пришедшие за мёртвыми и нашедшие живого.

Глава «Смерть и воин» становится трансформацией сюжета об Анике-воине (или «Прении живота со смертью») в пользу жизни и возрождения. В древнерусском сказании человек встречается со Смертью в момент, когда он меньше всего готов к встрече с Ней, не покаялся и не прощён в своих грехах. Именно поэтому он боится

смерти – и не может её избежать. Человек на войне – такой, как Тёркин, все силы положивший «за други своя», – каждый миг находится в черте от смерти и не боится её. И потому при встрече с Нею он одерживает победу, ибо он, подобно святому, готовому к смерти всякий час, выше неё. «Смертию смерть поправ» – именно это, не сказанное явно, звучит, как слова Пасхального тропаря, в главе «Смерть и воин».

«Книгу про бойца» можно читать с любого места. Как Библию (т.е. буквально – «Книгу»). Она и была задумана как начавшаяся «по пути», вслед за реальной жизнью («Словом, книгу с середины / И начнём. /А там пойдёт» [Твардовский 1976, с. 7]). А. Твардовский сам говорил об этом: «И если я думал о возможной успешной судьбе моей книги, работая над ней, то я часто представлял себе <...>, что она будет у солдата храниться за голенищем, за пазухой, в шапке. А в смысле её построения я мечтал о том, чтобы её можно было читать с любой раскрытой страницы» [Твардовский 1976, с. 261]. Ибо в жизни человека каждое мгновение – это целая жизнь. На войне как нигде в иное время и в ином месте понималось, что жизнь человека мерится по самой высокой мерке – вечности.

Тут не скажешь: я – не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю [Твардовский 1976, с. 36].

Война – время аксиом и евангельских «да» и «нет».

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле [Твардовский 1976, с. 34].

Эти слова становятся своего рода Символом веры, с теми же концептами смерти во имя жизни, святого боя со злом. «Вот “Василий Тёркин” – главная книга поэта, Евангелие мира внутри войны о не-смертном “бойце”, о “бое”, “святом и правом... ради жизни на земле”. И самое сущностное в ней, что влѣкло все помыслы автора, “Чтоб от

выдумки моей / На войне живущим людям / Было, может быть, теплей». Не борющимся, страдающим, гибнущим, промерзшим и оголодавшим, тонущим, опаленным огнем, а им всем, именно *живущим людям*, потесняющим войну жизнью, попирающим своим жизнебытием самоё смерть» [Лысов 2008, с. 14].

Можно с уверенностью сказать, что «Книга про бойца» Александра Твардовского стала первым памятником Неизвестному солдату, тогда как идея памятника в прямом смысле приходит к пережившему войну русскому народу лишь двадцать лет спустя после Великой Победы. Только отойдя от ужасов войны и воздав честь героям-победителям, Россия вспомнила о тех, кому на Могиле Неизвестного солдата выбила незабываемые строки: «Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен».

Василий Тёркин стал – задолго до этого осознания – «живым» образом такого героя, который, в миллионах судеб и без почестей, умер за жизнь других. И вписал своё имя в Книгу живых, ведущуюся с принятием Русью Христианства, отменившего смерть как таковую.

Источники

Азбука веры – Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/podvig> (дата обращения: 01.11.2024).

Твардовский 1976 – Твардовский А.А. Василий Тёркин. Книга про бойца. М., 1976. (Литературные памятники).

Литература

Безносков 2013 – Безносков Э.Л. О жанре поэмы «Василий Тёркин»: «попятное» движение от сказки к мифу // Вопросы литературы. 2013. № 6. С. 229–242.

Бессонова 2006 – Бессонова Л.П. Фольклорные традиции в эпической поэзии А.Т. Твардовского. Автореф. канд. дис. Майкоп, 2006.

Гришунин 1976а – Гришунин А.Л. «Василий Тёркин» А. Твардовского // Твардовский А.А. Василий Тёркин. Книга про бойца. М., 1976. (Литературные памятники). С. 406–488.

Гришунин 1976б – Гришунин А.Л. Источники и движение текста. Принципы издания // Твардовский А.А. Василий Тёркин. Книга про бойца. М., 1976. (Литературные памятники). С. 489–518.

Злобина 2017 – Злобина Н.Ф. Переосмысление народной идиоматики в стиле поэм А.Т. Твардовского // Вопросы русской литературы. 2017. № 1–2. С. 63–71.

Камалова 2009 – Камалова Л.А. Фольклорные мотивы в поэме А.Т. Твардовского «Василий Тёркин» (методический аспект) // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического института. 2009. № 1(16). С. 46–49.

Курбанова 2018 – Курбанова Н.К. Фольклорный образ в поэмах А.Т. Твардовского «Василий Тёркин» и «Тёркин на том свете» // Семантика народной культуры в литературе Материалы международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 164–167.

Лихачев 1979 – Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

Лысов 2008 – Лысов А.Г. «И идет, как надо, жизнь...»: о философии жизненной жизни Л. Толстого в творчестве А. Твардовского: «Василий Тёркин» // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2008. № 4. С. 13–19.

Матяш 2015 – Матяш С.А. К вопросу о соотношении народно-поэтической и литературной традиций в «Книге про бойца» А. Твардовского «Василий Тёркин» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3(178). С. 45–51.

Новикова 2017 – Новикова О.А. «Боль моя, моя отрада, / отдых мой и подвиг мой»: к истории создания поэмы А. Твардовского «Василий Тёркин» // Русская филология: учёные записки Смоленского государственного университета. 2017. Т. 17. С. 178–187.

Плимак 2008 – Плимак Е. Как писался и печатался «Василий Тёркин» // Континент. 2008. № 138. С. 394–416.

Страшнов 2019 – Страшнов С.Л. О демократизме «Книги про бойца» А. Твардовского // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 4 (19). С. 5–12.

Сухих 2004 – Сухих И.Н. О смерти, войне, судьбе и Родине – русской и советской: (1941–1945. «Василий Тёркин» А. Твардовского) // И.Н. Сухих. Двадцать книг XX века: эссе. СПб., 2004. С. 289–307.

THE OLD RUSSIAN TEXT IN THE "BOOK ABOUT THE FIGHTER" BY ALEXANDER TVARDOVSKY

D.B. Tereshkina

Novgorod Branch

of the Russian Academy of National Economy and Public Administration

The article discusses the traditions of ancient Russian literature in the "Book about the Fighter" by Alexander Tvardovsky. Despite the apparent remoteness of the poetic epic of the Great Patriotic War from Russian medieval literature, the book traditions of ancient Russian literature were introduced to the poem poem as early as at its creation: according to Tvardovsky, the people gave the book a higher status than the folklore. Having absorbed the elements of Russian folk speech, the "Book about the Fighter" harmoniously combined the centuries-old traditions of Christian literature in its leading genres: chronicles, military stories, eloquence, hagiography, household and fictional stories, synodics. The themes of war time trials, national suffering, hardships,

reflections on the fate of the motherland and the place of man in history are realized in the poetics of being characteristic of ancient Russian literature, in which man reveals his greatness as the likeness of God. The motives of self-sacrifice, love, mercy, forgiveness, humility, overcoming despondency and death itself are designed to affirm the main idea of the poem: death is overcome by life, even if death is inevitable. Hagiographic toposes of the main character's asceticism and celibacy, his love for all living things, compassion, heroic deed in the name of his neighbour and his people, active participation in everything around him, humble acceptance of grief and joy, wisdom in realizing what is happening, reverence for vital things and eternal truths that are not in doubt, active opposition to death. In a duel with her, faith in the triumph of truth – all this makes Vasily Terkin not only a positive, but also a kind of idealized hero who has absorbed the best features of the Russian people, glorifying their ascetics and creating eternal memory for them.

Keywords: "Vasily Terkin", "The book about the fighter", ancient Russian literature, chronicle, military history, life, synodic.